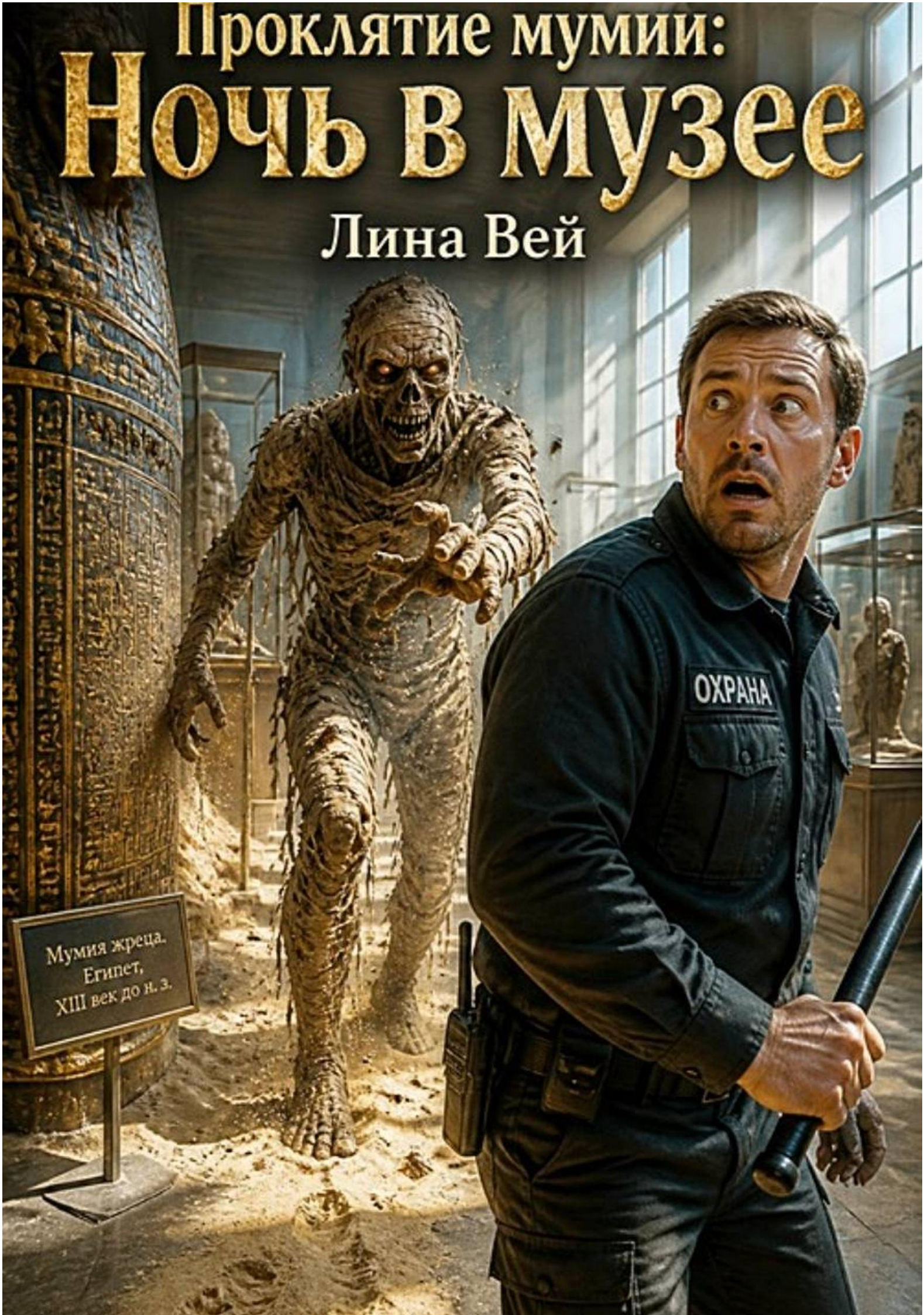
Проклятие мумии:
Ночь в музее

Лина Вей

Лина Вей

Проклятие мумии. Ночь в музее

«Автор»
2026

Вей Л.

Проклятие мумии. Ночь в музее / Л. Вей — «Автор», 2026

Одна ночь. Одна ошибка. Одна цена, которую придётся заплатить.Олег — обычный охранник в городском музее — не искал приключений. Но в одну роковую смену он сталкивается с тем, во что невозможно поверить: древняя мумия оживает и начинает преследовать его по тёмным коридорам. В панике Олег узнаёт о ритуале, способном уничтожить проклятие: для этого нужен старинный амулет.Но когда он решается провести обряд, всё идёт не по плану. Ритуал не убивает мумию — он лишь приоткрывает врата для ещё большего зла. Теперь единственный способ сдержать древнюю силу и спасти город — принести себя в жертву и стать новой печатью, запирающей тьму.Напряжённый мистический хоррор о том, как одна ошибка может разбудить древнее зло, а мужество обычного человека — стать последней надеждой на спасение. Для поклонников мрачных историй, где страх рождается в знакомых стенах, а героизм — в отчаянном выборе.

© Вей Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний посетитель 5
Часть 1. Рутина и первые странности 7
Глава 1. Начало смены 7
Глава 2. Первый обход 10
Глава 3. Тишина и шорохи 13
Глава 4. Песок 16
Глава 5. Шёпот 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Лина Вей
Проклятие мумии. Ночь в музее

Пролог. Последний посетитель

Дневной свет ещё цеплялся за высокие окна краеведческого музея, но уже не мог скрыть сероватую пыль, висевшую в воздухе, словно музей сам по себе был экспонатом, застывшим во времени. В залах пахло старой бумагой, воском для паркета и едва уловимой сыростью — запах, который посетители обычно не замечали, а сотрудники считали чем-то вроде печати подлинности.

В египетском зале экскурсовод Марина завершала последнюю экскурсию. Ей было чуть за тридцать, голос у неё был поставленный, но сегодня в нём слышалась усталость: день выдался длинным, а группа попалась шумная. Она стояла у витрины с амулетами, постукивая указкой по стеклу, чтобы привлечь внимание.

— Обратите внимание на этот скарабей, — говорила она, наклоняясь вперёд, чтобы перекрыть гул голосов. — Его нашли в небольшом захоронении неподалёку от Фив. Считается, что он символизировал возрождение. В Древнем Египте верили: если положить его на грудь усопшего, душа сможет вернуться.

Молодая девушка в первом ряду подняла руку:

— То есть они верили в зомби?

Марина сдержала улыбку. Такой вопрос ей задавали почти на каждой экскурсии.

— Не совсем. Речь не о ходячих мертвецах, а о цикличности жизни. О том, что смерть — это не конец, а переход.

Кто-то из группы хмыкнул, кто-то закатил глаза, но Марина привыкла. Для неё эти залы были не просто витринами с пыльными вещами. Ей казалось, что экспонаты слушают. Иногда она ловила себя на мысли, что если бы они могли говорить, то рассказывали бы не о величии цивилизаций, а о страхе перед забвением.

Группа медленно потянулась к выходу, обсуждая увиденное, смеясь, щёлкая камерами телефонов. Марина шла следом, машинально проверяя, не оставил ли кто-нибудь из посетителей что-то на витринах — капюшон, перчатку, забытую бутылку воды. Это была её маленькая привычка: убедиться, что всё на своих местах.

Когда последние посетители скрылись за поворотом, в зале повисла тишина. Не обычная тишина пустого помещения, а какая-то особенная, густая, будто воздух стал плотнее. Марина глубоко вздохнула, чувствуя, как напряжение дня понемногу отпускает. Она обернулась к египетскому залу.

Мумия жреца лежала в саркофаге, плотно укутанная в потемневшие от времени бинты. Лицо было скрыто, но Марина всегда старалась не смотреть туда слишком долго. Ей казалось, что под этими слоями ткани кто-то дышит. Глупость, конечно. Просто игра света и тени.

На долю секунды ей почудилось, что бинты чуть натянулись, будто под ними что-то шевельнулось. Марина моргнула. Когда она снова посмотрела на мумию, всё было как прежде: неподвижно, спокойно, мёртво. Она тряхнула головой, прогоняя нелепую мысль.

— Переутомилась, — пробормотала она себе под нос. — Пора домой.

Она направилась к выходу, но на пороге споткнулась о собственную папку, которую держала под мышкой. Папка выскользнула из рук и упала на пол, рассыпав листы.

— Чёрт, — тихо выругалась Марина, опускаясь на корточки, чтобы собрать бумаги.

Наклонившись, она заметила на полу тонкий слой песка. Совсем немного, едва заметный, но он был. Песок в музее? Это казалось странным. Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, не

было ли сегодня каких-то работ в залах. Может, кто-то что-то чистил? Но нет, никаких объявлений не было.

Прежде чем она успела толком задуматься, из-за угла появилась уборщица Нина, толкая перед собой тележку с моющими средствами. Нина была женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и взглядом, который, казалось, замечал всё.

— Опять бумаги рассыпала? — спросила она без осуждения, скорее по привычке.

— Да, споткнулась. Сама не знаю как.

Нина наклонилась и быстрым движением щётки смела песок с пола.

— Тут вечно откуда-то песок берётся. Наверное, из вентиляции. Или кто-то на ботинках принёс.

Марина хотела возразить, сказать, что песок был прямо у витрины с мумией, но слова застряли в горле. Нина уже катила тележку дальше, напевая что-то себе под нос, и песок исчез, будто его и не было.

— Спасибо, — тихо сказала Марина, хотя Нина её уже не слышала.

Собрав все листы, она захлопнула папку и ещё раз оглядела зал. Всё выглядело как обычно: экспонаты на своих местах, таблички ровно висят, свет мягко ложится на стекло витрин. Никакой аномалии. Просто усталость и игра воображения.

Она вышла в коридор, оставив египетский зал позади, и закрыла за собой дверь. В коридоре было прохладнее, чем в залах, и этот холод приятно отрезвлял. Марина направилась к административному крылу, чтобы сдать отчёт и наконец-то уйти домой.

Тем временем в египетском зале становилось темнее. Дневной свет окончательно угас, и только тусклые лампы аварийного освещения бросали на стены неровные тени. В тишине зала раздался тихий звук — негромкий, едва уловимый, похожий на щелчок. Будто крышка саркофага чуть сдвинулась, освобождая место для чего-то, что не должно было двигаться.

Охранник Олег вошёл в музей ровно в восемнадцать ноль-ноль. Он был мужчиной лет сорока, с усталыми глазами и привычкой всё проверять дважды. Форма сидела на нём немного мешковато, но он не обращал на это внимания. Для него главное было — порядок. Порядок в документах, порядок в обходах, порядок в мыслях.

Он поздоровался с дежурным администратором, расписался в журнале, проверил список открытых помещений и отправился на первый обход. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах, и каждый звук казался ему слишком громким, будто музей прислушивался к нему.

Олег любил ночные смены. Днём здесь было слишком много людей, слишком много голосов, слишком много вопросов. Ночью музей становился другим — спокойным, почти живым в своей неподвижности. Он знал каждый угол, каждую трещину в полу, каждый скрип паркета. Это было его царство, его территория, где он чувствовал себя уверенно.

Дойдя до египетского зала, он остановился у двери, достал планшет и отметил время. Всё было в порядке. Дверь закрыта, сигнализация активна, камеры работают. Он заглянул внутрь через стеклянную вставку, но в полумраке зала почти ничего не было видно, кроме тусклого блеска стекла витрин.

«Всё нормально», — подумал он, но что-то внутри всё равно ёкнуло. Это было не предчувствие, а скорее профессиональная настороженность: когда ты столько лет работаешь охранником, начинаешь замечать малейшие отклонения от нормы. А нормой было то, что ничего не меняется.

Он сделал ещё несколько шагов по коридору, проверяя остальные залы, фиксируя всё в журнале. Каждая отметка была для него маленьким подтверждением того, что мир остаётся на своих местах. Что бы ни происходило снаружи, здесь, в этих стенах, царил порядок.

Но где-то в глубине музея, в темноте египетского зала, снова раздался тихий щелчок, но Олег его не слышал.

Часть 1. Рутина и первые странности

Глава 1. Начало смены

Олег вошёл в музей через служебный вход ровно в восемнадцать ноль-ноль. Дверь тяжело скрипнула, будто нехотя впустила его в полумрак вестибюля, и тут же захлопнулась за спиной с глухим, почти торжественным звуком. В этом звуке было что-то окончательное — словно, переступив порог, он оставлял за спиной весь остальной город со всеми его шумами, проблемами и суетой.

В вестибюле пахло пылью, старым деревом и слабым, едва уловимым запахом дезинфицирующего средства — след недавней уборки. Светильники под потолком горели тускло, экономно, будто музей уже готовился ко сну. На стойке дежурного администратора никого не было — в это время суток здесь редко кто задерживался.

Олег остановился у турникета, достал из нагрудного кармана потрёпанный пропуск на шнурке и приложил его к считывателю. Раздался короткий писк, зелёный огонёк мигнул, и турникет щёлкнул, разрешая проход. Олег машинально поправил лямку сумки, перекинул её на другое плечо и двинулся дальше, к комнате дежурных охранников.

По пути он окинул взглядом вестибюль: мраморный пол с потёртостями в местах, где чаще всего ходили люди, старые афиши на стенах, слегка покосившиеся рамки, массивная лестница, ведущая на второй этаж, где располагались залы с этнографией и живописью. Всё было привычно, знакомо до мелочей. Олег работал здесь уже второй год, и за это время успел выучить музей как собственный подъезд: где пол скрипит, где лампа мигает, где дверь плохо закрывается.

Комната дежурных находилась в дальнем конце коридора, за тяжёлой металлической дверью с табличкой «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён». Олег постучал условным стуком — два коротких, один длинный, — и дверь тут же распахнулась.

— А, Олег, заходи, — кивнул ему старший смены, Виктор Петрович, мужчина лет шестидесяти с седыми висками и усталыми, но внимательными глазами. — Как жизнь?

— Да как обычно, — пожал плечами Олег, проходя внутрь.

Комната была небольшой, тесной, заставленной шкафами, ящиками и стеллажами с документацией. В углу стоял старый холодильник, на столе — чайник, стопка одноразовых стаканчиков и коробка с пакетиками чая. На стене висели графики дежурств, схемы эвакуации и несколько распечатанных инструкций с жирными пометками от руки.

Виктор Петрович сидел за столом, листая толстый журнал обходов. Рядом с ним лежала стопка бумаг и ручка с выцветшим корпусом.

— Вот, держи, — протянул он Олегу журнал и ручку. — Сегодня всё спокойно, никаких происшествий. Камеры работают, сигнализация в норме. Обход по графику: каждые два часа, отметки в журнале. Если что-то заметишь — сразу звони. Номер у тебя есть.

Олег взял журнал, привычно взвесил его в руке — толстый, тяжёлый, с потрёпанными краями. Каждая страница была заполнена аккуратными, иногда небрежными записями предыдущих смен. Он пролистал несколько страниц, мельком пробежал глазами по строкам, словно проверяя, не изменилось ли что-то в этом мире записей и отметок.

— Есть какие-то особые указания? — спросил он, кладя журнал на стол.

— Никаких. Всё как всегда. Разве что в египетском зале сегодня была большая группа школьников. Шумные, бегали, чуть витрину не задели. Так что присмотри там особо.

Олег кивнул. Египетский зал всегда вызывал у него смешанные чувства: с одной стороны, он был одним из самых спокойных мест в музее — мало посетителей, тихо, почти безлюдно.

С другой — что-то в нём было… неуютное. Может, из-за мумии, которая лежала в саркофаге, плотно укутанная в потемневшие бинты. Олегу казалось, что она смотрит на него, даже когда он знал, что у неё нет глаз.

Он сел на жёсткий стул, достал из сумки термос с остывшим кофе и налил немного в пластиковый стаканчик. Кофе был горьким, крепким, но Олег пил его не ради вкуса — ему нужно было хоть что-то, чтобы прогнать сонливость и собраться с мыслями.

Пока Виктор Петрович заканчивал оформление передачи смены, Олег позволил себе на мгновение закрыть глаза и просто посидеть в тишине. Но тишина эта была обманчивой: за стенами комнаты слышались тихие звуки музея — скрип старого паркета, гул вентиляции, далёкий, едва уловимый шорох, будто кто-то ходил по коридорам. Олег знал, что это просто здание «дышит», стареет, живёт своей жизнью, но иногда эти звуки заставляли его вздрагивать.

— Ну, всё, — сказал Виктор Петрович, закрывая свой журнал и поднимаясь со стула. — Если что — я на связи. Удачи.

— Спасибо, — кивнул Олег, тоже вставая.

Виктор Петрович вышел, тихо прикрыв за собой дверь, и Олег остался один. На мгновение в комнате повисла тишина, густая и плотная, словно воздух стал тяжелее. Олег глубоко вздохнул, взял журнал обходов, проверил, на месте ли фонарик, рация и ключи, и направился к первому пункту своего маршрута.

Коридоры музея были длинными, узкими, с высокими потолками и тусклым освещением. Свет падал на пол неровными пятнами, оставляя углы в полумраке. Олег шёл медленно, внимательно осматривая каждый метр: проверял, закрыты ли двери, не повреждены ли пломбы, не сдвинуты ли таблички. Это была рутинная работа, скучная и однообразная, но именно в этой рутине Олег находил какое-то странное успокоение. Пока он отмечал в журнале каждую деталь, мир оставался на своих местах.

Мысли невольно возвращались к тому, что осталось за пределами музея. Долги, которые висели на нём тяжёлым грузом, словно каменная плита. Бывшая жена, с которой они расстались полгода назад, и каждый разговор с которой превращался в череду упрёков и взаимных обвинений. Усталость, которая накапливалась день за днём, капля за каплей, пока не превратилась в постоянное, глухое чувство опустошения.

«Ещё одна смена, — думал Олег, шагая по коридору. — Ещё одна ночь. Потом выходные. Надо будет сходить в банк, поговорить насчёт реструктуризации. И позвонить матери, она давно не слышала моего голоса».

Египетский зал находился в дальнем крыле музея, в стороне от основных маршрутов посетителей. Дверь была тяжёлой, массивной, с металлической ручкой, которая всегда казалась Олегу слишком холодной. Он открыл её ключом, повернув его с привычным усилием, и вошёл внутрь.

Зал был небольшим, но высоким, с узкими окнами под потолком, через которые почти не проникал свет. Витрины с артефактами стояли вдоль стен, их стеклянные поверхности отражали тусклый свет ламп, создавая причудливые блики. В центре зала находился саркофаг с мумией жреца — массивный, тёмный, с резными узорами, которые казались Олегу странно живыми, будто линии двигались, если долго на них смотреть.

Олег сделал несколько шагов вперёд, осматривая зал. Всё выглядело как обычно: экспонаты на своих местах, витрины закрыты, сигнализация активна. Он подошёл к саркофагу, бросил короткий взгляд на мумию, стараясь не задерживать взгляд на тёмных бинтах, и уже собирался сделать отметку в журнале, когда заметил нечто странное.

Табличка рядом с саркофагом, на которой было написано «Мумия жреца», была слегка перевёрнута. Не полностью, а так, будто кто-то трогал её и не до конца вернул на место. Края таблички не совпадали с разметкой на подставке, и это бросалось в глаза.

Олег нахмурился. Он точно помнил, что во время предыдущей смены табличка стояла ровно. Или не помнил? Может, он просто забыл? Он подошёл ближе, осторожно поправил табличку, выравнивая её по разметке, и на мгновение задержал руку на холодном металле.

«Школьники, — подумал он, вспоминая слова Виктора Петровича. — Наверное, трогали, крутили, а потом не поставили как надо. Или просто сквозняк».

Он сделал отметку в журнале: «Египетский зал. Всё в порядке. Табличка поправлена». Запись получилась сухой, безликой, но именно такие записи и были нужны — чёткие, без эмоций, без лишних деталей.

Глава 2. Первый обход

После того как Олег закрыл дверь египетского зала и дважды проверил, плотно ли защёлкнулся замок, он остановился на секунду, прислушиваясь. В коридоре стояла та особенная тишина, которая бывает только в больших пустых зданиях: не абсолютная, а наполненная тихими, почти незаметными звуками — редким потрескиванием старых стен, гулом вентиляции где-то далеко, едва слышным шорохом, который мог быть и крысой, и просто оседающей пылью.

Олег поправил на поясе связку ключей — они привычно звякнули, и этот звук почему-то успокоил его. Он посмотрел на часы: 18:23. Первый полноценный обход по графику начинался ровно в 18:30, но Олег всегда делал небольшой предварительный круг: проверить самые уязвимые места, пока в музее ещё не наступила полная ночная глухота.

Маршрут был выверен годами и десятками смен. Сначала — южное крыло: запасный выход, окно рядом с ним (там часто расшатывалась рама), затем зал этнографии, где хранились ценные ткани и деревянные изделия, особенно чувствительные к влажности. Потом — центральный коридор, лестница на второй этаж, зал живописи, и уже оттуда — обратно к египетскому залу, чтобы завершить круг.

Он шёл размеренно, не торопясь, но и не задерживаясь. Каждый шаг был рассчитан так, чтобы не тратить силы зря: ночь длинная, а усталость накапливается незаметно, капля за каплей.

У запасного выхода Олег остановился. Дверь была закрыта, пломба на ручке — цела. Он присел на корточки, проверяя нижний край: иногда там скапливалась влага, и металл начинал ржаветь. Сейчас всё было сухо. Он провёл пальцем по порогу — ни песка, ни мусора, ни следов взлома.

«Чисто», — мысленно отметил он и сделал запись в журнале: «Запасный выход. Пломба цела, следов проникновения нет».

Дальше шёл зал этнографии. Олег открыл дверь своим ключом, вошёл, сразу же включил дежурное освещение — не яркое, а тусклое, желтоватое, чтобы не портить экспонаты. В этом свете витрины казались почти живыми: стекло отражало свет, создавая причудливые блики, а резные деревянные маски на стенах будто меняли выражение, стоило только чуть повернуть голову.

Он обошёл зал по периметру, проверяя каждую витрину. Замки были закрыты, пломбы на месте. Олег задержался у витрины с тканями: тонкий узор на полотне был настолько сложным, что казалось, будто он шевелится, если смотреть долго. Он тряхнул головой, прогоняя наваждение, и сделал ещё одну пометку в журнале.

Выйдя из зала, он закрыл дверь, повернул ключ до характерного щелчка и двинулся дальше.

В центральном коридоре свет был чуть ярче, но всё равно оставлял углы в полумраке. Олег шёл, прислушиваясь к каждому звуку. Иногда ему казалось, что он слышит шаги позади, но, оборачиваясь, видел только пустую темноту и собственные тени, растянувшиеся по полу.

На втором этаже, в зале живописи, было прохладнее. Здесь работала отдельная система климат-контроля, и воздух пах иначе — не пылью, а чем-то холодным, стерильным. Олег проверил сигнализацию у главной витрины, где хранились миниатюры XVIII века. Датчик мигнул зелёным — всё в порядке.

Он сделал ещё одну запись, на этот раз чуть медленнее, словно давая себе время собраться с мыслями. Мысли, как назло, снова возвращались к долгам. Вчера пришло очередное напоминание из банка. Олег сунул телефон обратно в карман, не открывая сообщение. Сейчас не время. Сейчас нужно думать о работе.

Спускаясь по лестнице, он задержался на середине пролёта, прислушиваясь. Откуда-то снизу тянуло сквозняком — лёгким, едва ощутимым, но достаточным, чтобы шевельнуть край его куртки. Олег нахмурился. В музее не должно быть сквозняков. Все окна были закрыты, вентиляция работала в штатном режиме.

«Наверное, где-то приоткрыли дверь и забыли», — подумал он, но решил проверить все помещения ещё раз, когда закончит основной маршрут.

Вернувшись к египетскому залу, Олег остановился перед дверью. Что-то в ней казалось ему не таким, как обычно. Не поломка, не повреждение, а просто… смещение. Будто дверь чуть-чуть не попадала в проём, как будто за ночь стены чуть сдвинулись.

Он тряхнул головой. Усталость. Просто усталость.

Достав ключ, он открыл дверь и вошёл внутрь.

Зал встретил его привычной полутьмой. Свет от дежурных ламп ложился на витрины косыми полосами, а саркофаг в центре отбрасывал длинную, неровную тень. Олег сразу же подошёл к камерам — в углу зала стояла небольшая панель с мониторами. Он вывел на экран изображение с камеры, установленной прямо над саркофагом.

На экране зал выглядел пустым. Ни движения, ни теней, ни намёка на то, что здесь кто-то был. Только неподвижные экспонаты, тусклый свет и тишина.

Олег на секунду задержал взгляд на мумии. Тёмные бинты казались почти чёрными в этом освещении, а складки ткани будто образовывали странные узоры, похожие на письмена. Он моргнул, прогоняя навязчивое ощущение, и перевёл взгляд ниже — на пол.

И тут он замер.

Песок. Тонкий, едва заметный слой песка лежал у основания саркофага, но теперь он был распределён иначе. В прошлый раз, когда Олег заходил сюда днём вместе с техником, песок лежал плотной полосой вдоль передней стенки. Сейчас же он был рассыпан мелкими дорожками, будто кто-то провёл по нему пальцами или протащил что-то тяжёлое.

Олег присел на корточки, осторожно коснувшись песка кончиком пальца. Он был холодным и сухим, с мелкими вкраплениями чего-то тёмного — возможно, пыли или мелких частиц камня.

«Откуда он вообще берётся?» — подумал Олег, оглядываясь по сторонам. Окна были закрыты, двери заперты, вентиляция работала без перебоев. В музее не было ни одного экспоната, из которого мог бы сыпаться песок.

Он встал, ещё раз осмотрел зал, проверяя, не сдвинуты ли витрины, не повреждены ли пломбы. Всё было на своих местах. Только песок… и ещё что-то.

Подойдя ближе к саркофагу, Олег заметил, что бинты мумии лежали чуть иначе, чем раньше. Не сильно, едва заметно, но разница была. Раньше складки падали более свободно, а теперь они казались натянутыми, будто под ними что-то двигалось.

Олег резко отступил на шаг, сам не понимая, почему его бросило в лёгкий озноб.

«Это просто свет, — сказал он себе. — Просто тени. Просто песок натащили посетители, а ветер из вентиляции его разнёс».

Он достал журнал и сделал запись: «Египетский зал. Всё в порядке. Песок на полу — вероятно, занесён посетителями. Табличка поправлена ранее».

Запись получилась сухой, безликой, именно такой, какой и должна быть в отчёте охранника. Никаких эмоций, никаких догадок — только факты.

Но, закрывая журнал, Олег поймал себя на мысли, что ему хочется, чтобы кто-то сейчас был рядом. Чтобы можно было просто сказать: «Посмотри, тут песок лежит странно», и услышать в ответ: «Да, бывает. Наверное, сквозняк».

Вместо этого он остался один на один с тишиной зала, с тенью саркофага и с песком, который никак не должен был здесь быть.

Выйдя из зала, Олег закрыл дверь, проверил замок и двинулся дальше по коридору. Теперь он шёл чуть медленнее, внимательнее вглядываясь в каждый угол, прислушиваясь к каждому шороху. Сквозняк, который он почувствовал раньше, стал чуть сильнее, будто музей дышал глубже, готовясь к чему-то.

Глава 3. Тишина и шорохи

Дежурная комната встретила Олега привычным полумраком и запахом старого пластика — от панелей, от кресел, от мониторов, которые годами горели в этом тесном помещении. Здесь было тесно, но уютно в своём роде: стены увешаны схемами, графиками, инструкциями с пометками, сделанными ещё до Олега, а стол был завален папками, блокнотами и чашками, в которых когда-то был кофе, а теперь осталась только горькая плёнка на стенках.

Олег сел на жёсткий стул, который скрипнул под его весом, как будто тоже устал от этой рутины. Он поставил термос на стол, открутил крышку и налил остатки кофе в пластиковый стаканчик. Кофе был холодным, густым, с неприятной маслянистой плёнкой сверху. Олег поморщился, но всё равно сделал глоток — не ради вкуса, а ради самого действия, ради ощущения, что он делает хоть что-то осмысленное.

На полке над столом стоял старый радиоприёмник — вещь, которую давно пора было списать, но никто не решался. Олег щёлкнул тумблером, и прибор отозвался хриплым шипением, будто просыпался после долгого сна. Покрутив ручку настройки, он поймал волну, где тихо, сквозь помехи, звучал голос диктора, рассказывающего о городских новостях. Голос был спокойным, размеренным, будто специально созданным, чтобы убаюкивать ночных охранников.

Олег откинулся на спинку стула, прикрыл глаза на секунду. Усталость давила на плечи, словно он нёс на себе не только свою смену, но и все тревоги, которые остались за стенами музея. Мысли снова потянулись к долгам, к разговору с банком, который он откладывал уже третью неделю, к бывшей жене, которая в последнем сообщении написала: «Нам надо поговорить», и от этих слов у него сжималось внутри что-то, будто пружина, готовая лопнуть.

Он встряхнул головой, прогоняя эти мысли. Сейчас не время. Сейчас нужно быть здесь, в этой комнате, среди мониторов, схем и тихого голоса из радио.

Олег перевёл взгляд на панель камер. На экранах мелькали кадры из разных залов: пустой зал этнографии, тёмная лестница на второй этаж, коридор с тусклыми лампами, египетский зал — всё было спокойно. На каждом кадре — тишина, неподвижность, покой. Но именно эта неподвижность иногда пугала Олега больше, чем любой шум: в ней было что-то неестественное, будто мир замер в ожидании.

Он потянулся к чашке, снова сделал глоток холодного кофе и поморщился. В этот момент он услышал звук. Тихий, едва уловимый, но отчётливый. Шорох. Он шёл откуда-то сверху, из вентиляции. Будто по металлическим коробам кто-то медленно водил пальцами, или там шуршала бумага, или… что-то живое.

Олег замер, прислушиваясь. Радио продолжало бормотать что-то про пробки и погоду, голос диктора звучал почти насмешливо на фоне этого странного шороха. Олег медленно поставил чашку на стол, стараясь не звякнуть, и поднялся со стула.

Шорох стих.

Олег стоял, не двигаясь, вслушиваясь в тишину. Она была плотной, густой, почти осязаемой. И в ней не было ничего, кроме гула вентиляции и далёкого голоса из радиоприёмника.

«Крыса, — подумал он, пытаясь убедить себя. — Или просто мусор какой-то затянуло в шахту».

Но тревога, лёгкая и настойчивая, всё равно царапала где-то внутри.

Он взял фонарик — тяжёлый, армейский, с тусклым, но мощным лучом, — и вышел из дежурной комнаты. Коридор встретил его темнотой, разбавленной редкими пятнами света от дежурных ламп. Олег направил луч фонарика вверх, к решётке вентиляции. Решётка была на месте, прикручена, без следов взлома. Он подошёл ближе, поднял голову, прислушиваясь.

И снова услышал шорох. Тихий, царапающий звук, будто кто-то скребся по металлу изнутри.

Олег поднял фонарик, осветил решётку, провёл лучом по стыкам, по углам. Ничего. Ни мусора, ни крыс, ни следов того, что кто-то пытался пролезть внутрь. Только пыль, осевшая на решётке, и тёмные тени в углах.

Он постучал по решётке костяшками пальцев. Звук получился глухим, пустым. Шорох стих, будто испугавшись этого стука.

Олег постоял ещё минуту, вслушиваясь, но тишина была абсолютной. Он опустил фонарик, вздохнул и пробормотал:

— Ладно. Просто вентиляция. Просто старое здание.

Вернувшись в дежурную комнату, он снова сел на стул, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой. Он налил ещё немного кофе, но пить не стал — просто держал стаканчик в руках, согревая пальцы.

Радио всё ещё бормотало что-то о городских событиях, но Олег уже не слушал. Его взгляд снова притянули экраны камер. Он переключил вид на египетский зал, задержавшись на кадре с саркофагом. Всё было как обычно: мумия неподвижна, бинты лежат ровно, песок на полу — тонкий слой, едва заметный.

Но в углу кадра, там, где стена встречалась с полом, Олег заметил что-то странное. Тень. Она мелькнула на долю секунды, будто кто-то прошёл мимо камеры, но не попал в основной кадр. Тень была тёмной, плотной, не похожей на обычный блик или игру света.

Олег подался вперёд, прищурившись, и перемотал запись назад. Он прокрутил несколько секунд в замедленном режиме, внимательно следя за каждым кадром. И снова увидел это: в углу, у стены, на долю секунды появилась тёмная полоса, похожая на тень от человеческой фигуры, а потом исчезла.

Олег замер, вглядываясь в экран. Его сердце забилось чуть быстрее, но он тут же одёрнул себя.

«Блик, — сказал он вслух, будто пытаясь убедить не только себя, но и тишину комнаты. — Просто блик. Отражение от лампы, или пыль в воздухе, или… да что угодно. Не тень».

Он откинулся на спинку стула, потёр лицо ладонями, чувствуя, как под пальцами грубеет щетина. Глаза щипало от усталости, а в голове шумело, будто он не спал несколько суток подряд.

«Просто усталость, — повторил он про себя. — Просто ночь длинная, а я уже на взводе».

Он снова посмотрел на экран. Египетский зал был тихим, неподвижным, спокойным. Тень больше не появлялась. Только песок на полу лежал чуть иначе, чем раньше, но Олег решил не обращать на это внимания.

Он сделал ещё один глоток холодного кофе, поморщился и поставил стаканчик на стол. Радио вдруг замолчало, и в комнате повисла тишина, густая и тяжёлая. Олег потянулся к приёмнику, чтобы подкрутить настройку, но в этот момент из коридора донёсся ещё один звук. Тихий, едва уловимый. Скрип. Будто где-то далеко открылась дверь, которую никто не должен был открывать.

Олег замер, прислушиваясь. Скрип стих, и тишина снова сомкнулась вокруг него. Он посмотрел на экраны камер, проверяя, не сработала ли сигнализация, не открылась ли какая-то дверь. Но все датчики показывали норму: двери закрыты, замки на месте, сигнализация активна.

«Просто старое здание, — снова повторил он, но на этот раз его голос прозвучал не так уверенно. — Просто ветер, или сквозняк, или… да что угодно».

Он встал, подошёл к двери дежурной комнаты и приоткрыл её, выглянув в коридор. Там было темно, тихо, пусто. Только свет от дежурных ламп ложился на пол неровными полосами, а тени в углах казались чуть более плотными, чем обычно.

Олег постоял так минуту, вслушиваясь в тишину, а потом закрыл дверь и вернулся к столу. Он сел, посмотрел на экраны, на египетский зал, на саркофаг, на песок, на тень, которой больше не было.

«Ещё несколько часов, — подумал он. — Ещё несколько часов, и можно будет сдать смену. А потом — домой, в тепло, в кровать, в темноту, где нет ни шорохов, ни теней, ни песка на полу».

Но где-то в глубине сознания, под слоем усталости и рутины, снова шевельнулось то самое чувство тревоги — тихое, настойчивое, будто музей шептал ему что-то на ухо, и Олег, сам того не замечая, начал прислушиваться к этим шёпотам.

Он включил радио снова, и голос диктора, рассказывающий о чём-то далёком и обыденном, немного заглушил эту тишину, но не смог её победить. Олег сидел, глядя на экраны, и ждал, когда ночь наконец начнёт сдавать свои позиции перед рассветом.

Глава 4. Песок

Следующий обход Олег начал ровно в 20:30 — по графику, минута в минуту. Он специально следил за временем: ему казалось, что если держаться расписания, если делать всё строго по инструкции, ночь станет предсказуемой, а значит — безопасной. Но в глубине души он уже понимал: предсказуемость — это иллюзия, особенно в таком старом здании, где стены помнят десятки лет чужих шагов, а тишина умеет лгать.

Он вышел из дежурной комнаты, плотно прикрыв за собой дверь, будто хотел оставить внутри хотя бы часть тревоги. В коридоре было прохладнее, чем днём, и воздух казался плотнее, будто ночь постепенно вытесняла из музея всё живое. Олег включил фонарик, и узкий луч света выхватил из темноты потёртый паркет, облупившуюся краску на плинтусе, старую табличку с номером зала. Всё было привычно, знакомо, но в этой привычности теперь чудилось что-то чужое, будто музей надел старую маску, а под ней пряталось совсем другое лицо.

Маршрут вёл его сначала через зал этнографии — проверить витрины, пломбы, замки. Олег шёл медленно, не торопясь, внимательно осматривая каждый сантиметр. В этом была его защита: пока он проверял, фиксировал, отмечал, мир оставался на своих местах. Он заглянул в каждую витрину, провёл пальцем по стеклу, проверяя, нет ли сколов, осмотрел замки, проверил пломбы. Всё было в порядке. Никаких следов взлома, никаких подозрительных деталей. Только пыль на стекле, которую никто не успел стереть после дневной экскурсии.

Но когда он подошёл к переходу в египетское крыло, что-то внутри него сжалось. Не страх, не паника, а то самое неприятное чувство, когда ты точно знаешь, что впереди тебя ждёт что-то неправильное, но не можешь объяснить, откуда ты это знаешь.

Олег остановился перед дверью, ведущей в египетский зал, и на секунду задержал руку на холодной металлической ручке. Он глубоко вдохнул, будто собирался нырнуть в ледяную воду, и толкнул дверь.

Зал встретил его полумраком и тишиной. Свет от дежурных ламп ложился на витрины косыми полосами, а саркофаг в центре отбрасывал длинную, неровную тень. Олег сразу же бросил взгляд на пол у основания саркофага. И замер.

Песок. Тонкий, едва заметный слой песка лежал не только у передней стенки, как раньше, но и расходился мелкими дорожками в стороны, будто кто-то провёл по нему пальцами или протащил что-то тяжёлое. Но самое странное было не в этом. Песок появился и в соседнем зале — в небольшом переходном помещении, где стояли витрины с мелкими артефактами: амулетами, бусинами, осколками керамики. Там песка быть не должно было вообще: зал был закрыт для посетителей, туда редко кто заходил, и уборщица убирала его раз в неделю.

Олег присел на корточки, осторожно коснулся песка кончиком пальца. Он был холодным и сухим, с мелкими вкраплениями чего-то тёмного — возможно, пыли или мелких частиц камня. Олег поднёс палец к свету, разглядывая песчинки. Они были мелкими, почти как пудра, но при этом не похожи на обычную пыль. В них было что-то… чужое.

Он поднялся и медленно обошёл зал, осматривая каждый угол. Окна были закрыты, рамы плотно прилегали к проёмам, на стыках не было ни пыли, ни следов того, что их открывали. Двери были заперты, замки целы, пломбы на месте. Вентиляционные решётки были прикручены, без следов взлома или смещения. Олег подошёл к одной из решёток, постучал по ней костяшками пальцев. Звук получился глухим, пустым. Он посветил фонариком внутрь шахты — там было темно, пыльно, но никаких следов песка или мусора, который мог бы высыпаться наружу.

«Откуда он берётся?» — подумал Олег, оглядываясь по сторонам. Он чувствовал, как внутри него растёт напряжение, как оно стягивает мышцы, заставляет пальцы сжиматься в

кулаки. Он не любил загадок, которые нельзя решить логикой. А эта загадка не поддавалась никаким объяснениям.

Олег вышел в соседний зал — тот самый, где песок появился неожиданно. Здесь было ещё темнее, чем в египетском зале, и свет фонарика выхватывал из темноты только отдельные предметы: край витрины, блестящую поверхность стекла, тёмный силуэт статуэтки. Песок лежал на полу тонкой полосой, будто кто-то пронёс его на подошве и стряхнул здесь. Но как? Все двери были закрыты, окна заперты, вентиляция не могла принести столько песка.

Олег опустился на колени, провёл рукой по полу, собирая немного песка в ладонь. Он поднёс его к глазам, разглядывая при свете фонарика. Песчинки были мелкими, почти одинаковыми, но среди них попадались крошечные тёмные вкрапления, похожие на кусочки угля или обгоревшей древесины. Олег нахмурился. Это не был обычный песок. В нём было что-то странное, будто он пришёл из другого места, из другого времени.

Он высыпал песок обратно на пол и поднялся, оглядываясь по сторонам. В зале было тихо, неподвижно, спокойно. Но тишина эта казалась ему теперь не пустой, а наполненной чем-то скрытым, будто стены слушали его и ждали, что он сделает дальше.

Олег подошёл к витринам, проверяя замки и пломбы. Всё было на месте, ничего не тронуто. Он провёл рукой по стеклу, чувствуя, как под пальцами остаётся тонкий слой пыли. В витрине стояли мелкие артефакты: амулеты, бусины, осколки керамики. Олег вгляделся в них, будто надеялся найти в этих древних предметах подсказку, объяснение того, что происходит. Но артефакты молчали, как и положено мёртвым вещам.

Он вернулся к двери, ещё раз проверил замок, убедился, что она закрыта, и вышел в коридор. Теперь он шёл быстрее, почти бегом, будто хотел убежать от этого песка, от этой тишины, от этого ощущения, что музей играет с ним в какую-то непонятную игру.

Вернувшись в дежурную комнату, Олег сел на жёсткий стул, чувствуя, как усталость наваливается на него с новой силой. Он положил журнал на стол, достал ручку, но рука дрожала, и буквы получались кривыми, неровными. Он сделал глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями, и начал писать: «Египетский зал и соседний зал. На полу обнаружен песок. Источник не установлен. Окна, двери, вентиляция проверены — всё закрыто. Следов проникновения нет».

Запись получилась сухой, безликой, именно такой, какой и должна быть в отчёте охранника. Никаких эмоций, никаких догадок — только факты. Но факты эти не складывались в логичную картину.

Олег отложил ручку, потёр лицо ладонями. Глаза щипало от усталости, а в голове шумело, будто он не спал несколько суток подряд. Он посмотрел на экраны камер, проверяя записи с египетского зала и соседнего помещения. На кадрах было тихо, неподвижно, спокойно. Ни движения, ни теней, ни намёка на то, что в залах кто-то был. Только песок, который будто сам по себе менял положение.

Он прокрутил запись вперёд, внимательно следя за каждым кадром. И снова увидел то же самое: песок лежал иначе, чем раньше, будто его кто-то рассыпал, но на камерах не было никого. Ни людей, ни животных, ни даже тени, которая могла бы принадлежать человеку.

«Либо сквозняк, — подумал Олег, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. — Либо кто-то пронёс песок и спрятался так, что камеры его не заметили».

Но оба варианта казались ему неубедительными. Сквозняк не мог перенести песок из одного зала в другой, не оставив следов на других поверхностях. А человек не мог спрятаться так, чтобы его не заметили камеры. В музее не было мест, где можно было укрыться от наблюдения.

Олег откинулся на спинку стула, закрыл глаза на секунду. Ему хотелось, чтобы кто-то сейчас был рядом. Чтобы можно было просто сказать: «Посмотри, тут песок лежит странно», и услышать в ответ: «Да, бывает. Наверное, сквозняк». Но он был один. И ему предстояло разобраться с этим в одиночку.

Он снова посмотрел на экраны. Египетский зал был тихим, неподвижным, спокойным. Но в этой неподвижности теперь чудилось Олегу что-то зловещее, будто музей затаил дыхание, ожидая, что он сделает дальше. Он встал, подошёл к двери дежурной комнаты и приоткрыл её, выглянув в коридор. Там было темно, тихо, пусто. Только свет от дежурных ламп ложился на пол неровными полосами, а тени в углах казались чуть более плотными, чем обычно.

Олег постоял так минуту, вслушиваясь в тишину, а потом закрыл дверь и вернулся к столу. Он сел, посмотрел на журнал, на свою запись, на экраны камер. Впереди была ещё целая ночь. И он должен был пройти её до конца.

Но где-то в глубине сознания Олега шевельнулось неприятное чувство, будто он что-то упустил. Что-то важное, что пряталось в тенях, в песке, в едва заметных смещениях вещей. Он знал: если он не найдёт объяснение сейчас, то скоро песок перестанет быть самой большой его проблемой.

Он сделал глубокий вдох, взял журнал и ручку, и снова начал писать. Каждая буква, каждая строчка была для него маленьким подтверждением того, что он ещё держится, что он ещё контролирует ситуацию. Даже если это было не так.

«Ещё несколько часов, — подумал он. — Ещё несколько часов, и можно будет сдать смену. А потом — домой, в тепло, в кровать, в темноту, где нет ни песка, ни теней, ни шорохов».

Но даже произнося эти слова про себя, Олег уже понимал: эта ночь не будет обычной. И песок — это только начало.

Глава 5. Шёпот

В дежурной комнате было душно, несмотря на то что вентиляция тихо гудела где-то в стенах, гоняя по музею прохладный, слегка затхлый воздух. Олег сидел, ссутулившись, перед панелью камер, и смотрел на экраны так, будто надеялся, что если он будет смотреть достаточно долго, то картинка сама по себе станет понятной. Но залы оставались неподвижными, пустыми, безжизненными. Только песок у саркофага и в соседнем зале напоминал, что что-то здесь не так.

Радио по-прежнему стояло на полке, тихо бормоча что-то про прогноз погоды и городские пробки. Голос диктора звучал неестественно спокойно, почти равнодушно, как будто за стенами музея не существовала никакая другая реальность — только эта, стерильная, безопасная, с цифрами и фактами. Олег почти не слушал, но сам звук был ему нужен: он заполнял тишину, не давал ей стать слишком плотной, слишком тяжёлой.

Он снова проверил журнал — перечитал свои записи, будто надеялся увидеть в них какой-то скрытый смысл, подсказку, которую он упустил. «Песок обнаружен… источник не установлен…» Слова выглядели беспомощными, сухими, словно он пытался описать бурю, используя словарь для первоклассников.

Олег потянулся, хрустнув затекшей спиной, и налил в пластиковый стаканчик ещё немного кофе из термоса. Кофе был холодным, горьким, с неприятным металлическим привкусом, но он всё равно сделал глоток, просто чтобы чем-то занять руки, чтобы не чувствовать, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки от напряжения.

И в этот момент он услышал шёпот.

Сначала Олег даже не понял, что это такое. Звук был тихим, едва уловимым, и на долю секунды он решил, что это просто помехи на радио, треск эфира, который иногда прорывался сквозь голос диктора. Он повернул голову к приёмнику, прищурился, вслушиваясь. Радио продолжало говорить о чём-то будничном, голос звучал ровно, без искажений.

А шёпот остался.

Теперь Олег понял: он шёл не из радио. Он шёл из коридора. Тихий, прерывистый, будто кто-то стоял за дверью и шептал что-то, стараясь не быть услышанным. Но в этом шёпоте было что-то странное: язык был непонятным, незнакомым. В нём слышались гортанные звуки, резкие согласные, тягучие гласные — ничего похожего на русский, английский или любой другой язык, который Олег когда-либо слышал.

Он замер, держа стаканчик на полпути ко рту. Кофе остыл, но Олег этого не замечал. Его внимание полностью сосредоточилось на звуке, на том, как он проникал сквозь дверь, как будто сам воздух в комнате стал тоньше, прозрачнее, позволяя этому шёпоту пробраться внутрь.

Олег медленно поставил стаканчик на стол, стараясь не звякнуть. Он встал со стула, и тот скрипнул под ним, этот звук показался ему оглушительно громким. Он замер, прислушиваясь. Шёпот не стих — он стал чуть громче, будто приблизился.

«Это не радио, — подумал Олег, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Это из коридора».

Он подошёл к двери, остановился в шаге от неё, положил ладонь на холодную металлическую ручку. Его пальцы слегка дрожали, и он сжал их в кулак, пытаясь унять дрожь. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание на секунду, а потом резко распахнул дверь.

Коридор встретил его темнотой и тишиной. Свет дежурных ламп ложился на пол неровными пятнами, оставляя углы в густой тени. Олег направил вперёд луч фонарика, выхватывая из темноты куски реальности: потёртый паркет, облупившуюся краску на плинтусе, старую табличку с номером зала. Всё выглядело как обычно. Но тишина теперь казалась ему неесте-

ственной, будто она была не отсутствием звука, а чем-то активным, живым, что ждало, когда он сделает следующий шаг.

Шёпот стих.

Олег стоял, вслушиваясь, но слышал только гул вентиляции, тихий скрип старого здания и собственное дыхание, которое становилось всё тяжелее. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, направляя луч фонарика в каждый угол, в каждую тень.

— Кто здесь? — голос Олега прозвучал неожиданно громко, и он сам вздрогнул от этого звука. Тишина ответила ему молчанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.